

онъ согласился, и въ ближайшее же воскресенье мы отправились. Ермолай Иванычъ встрѣтилъ меня очень ласково.

— Знаю, знаю, сказывали товарищи... Все «въ книжку» читаетъ?.. Читатель ненасытный?!.. Ахъ вы, читатели!.. Что съ тобой будетъ дальше-то, ежели теперь съ этихъ лѣтъ ты зарылся, а, сказывай?.. — шутливо трепалъ меня за борга пиджачка Ермолай Иванычъ.

Небольшого роста, съ умнымъ, выразительнымъ, очень блѣднымъ лицомъ, запушеннымъ окладистой черной бородкой, въ какомъ-то странномъ не то халатѣ, не то сюртукѣ, перепачканнымъ, какъ и длиннымъ, тонкія руки лаписомъ, Ермолай Иванычъ производилъ сразу самое выгодное впечатлѣніе — своей привѣтливой улыбкой, своими добрыми карими глазами. Признаюсь, я шелъ къ нему не безъ нѣкоторой робости; не безъ робости входилъ въ его небольшую комнату, перегороженную пополамъ высокимъ и длиннымъ шкафомъ со стеклами съ обѣихъ сторонъ, гдѣ на полкахъ стояли какія-то машинки и приборы, а вверху лежали груды книгъ разныхъ форматовъ, преимущественно толстыя, закоптѣвшія, въ старинныхъ кожаныхъ переплетяхъ. Обстановка, среди которой жилъ Ермолай Иванычъ, дѣйствительно могла суевѣрному обывателю уѣзднаго городишка, или мальчику, котораго по профессіи съ юныхъ лѣтъ воспитываютъ на всякой чертовщинѣ, дать поводъ думать, что тутъ неладно. Странные эти приборы, вогнутое зеркало, электрическая машина, маленькія модели разныхъ машинъ въ шкафу, — эти толстыя закоптѣлыя книги, наконецъ, скелетъ и манекенъ, видимые черезъ дверь въ другой комматѣ, все это такія вещи, употребленіе и назначеніе которыхъ рѣшительно непонятно мирному обывателю уѣзднаго захолустья, — и естественно предположеніе, что хозяинъ этихъ вещей долженъ имѣть близкое знакомство и даже непосредственныя сношенія съ нечистой силой. И я, признаюсь, не безъ суевѣрной робости припоминалъ рассказы товарища. Я уже былъ вольнодумцемъ насчетъ «нечистой силы», но тѣмъ не менѣе и мнѣ на первый взглядъ хозяинъ показался, чѣмъ-то въ родѣ «мага и чернокнижника». Но почти тотчасъ же мнѣ стало стыдно своего страха, и я внутренно смѣялся надъ легковѣріемъ товарища и своимъ. Оглядѣвшись, я узналъ электрическую машину, о которой мнѣ рассказывалъ Федоръ Борисычъ, и рисункъ которой я видалъ въ его толстой «физикѣ». Я смекнулъ, что можетъ и другіе приборы тоже относятся къ этой наукѣ. Манекенъ я видалъ раньше у одного богатаго провинціального живописца, къ которому заѣзжалъ вмѣстѣ съ отцомъ, а части